

ХРИСТИАНСКИЕ СКАЗКИ РИХАРДА ФОЛЬКМАНА: УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ И НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ (К 195-ЛЕТИЮ ВРАЧА И ПИСАТЕЛЯ)

УДК [821.112.2-343.4.09«18»]:004

<http://doi.org/10.2441/2310-1679-2025-156-58-75>

Елена Николаевна СУВОРКИНА,

кандидат культурологии,

заведующая сектором систематизации.

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина,

Рязань, Российская Федерация,

e-mail: suvorkina@list.ru

Аннотация. В статье анализируются христианские сказки немецкого врача, писателя XIX века Рихарда Фолькмана. Даётся краткая характеристика его большого и неоспоримого вклада в медицину, открытия и идеи которого, предложенные им конструкции инструментов, шин, методы лечения не теряют актуальности и сегодня. Но основное место уделено исследованию его литературного творчества, а именно христианских сказок, в которых обозначены универсальные ценности – доброта, любовь, вера, честность, мужество, сила духа. При универсальности христианских ценностей в сказках четко прослеживается немецкая культурная идентичность, которая в ряде случаев сопоставляется с русской. Национально-культурное своеобразие прослеживается в культуре повседневности (предметах быта, одежде), праздничной культуре (в том числе балаганной, цирковой), традициях и моде, финансовой культуре, флористической составляющей, культуре идентификации (имена личные и собственные), культуре питания, культуре пространства и национальном характере. В отдельных случаях дан исторический контекст, призванный показать, как определенные события отразились на сюжете.

Ключевые слова: Р. Фолькман, сказки, христианские сказки, немецкая литература, христианство, ангелы, Бог, грех, медицина, Германия, культурная идентичность, немцы.

Для цитирования: Суворкина Е. Н. Христианские сказки Рихарда Фолькмана: универсальные ценности и национально-культурное своеобразие (к 195-летию врача и писателя) // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2025. №1 (56). С. 58–75. <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2025-156-58-75>

CHRISTIAN FAIRY TALES BY RICHARD VOLKMANN: UNIVERSAL VALUES AND NATIONAL AND CULTURAL IDENTITY (FOR THE 195th ANNIVERSARY OF THE DOCTOR AND WRITER)

Elena N. Suvorkina,
CSc in Cultural Studies,
Head of the Systematization Sector,
Ryazan State University named after S. A. Yesenin,
Ryazan, Russian Federation,
e-mail: suvorkina@list.ru

Abstract. The article analyzes the Christian fairy tales of the German physician, writer of the XIX century Richard Volkmann. A brief description of his great and undeniable contribution to medicine is given, the discoveries and ideas of which, the proposed designs of instruments, tires, and treatment methods do not lose their relevance today. But the main place is devoted to the study of his literary work, namely Christian fairy tales, in which universal values are indicated – kindness, love, faith, honesty, courage, fortitude. With the universality of Christian values, the German cultural identity is clearly traced in fairy tales, which in some cases is compared with the Russian one. National and cultural identity can be traced in the culture of everyday life (household items, clothes), festive culture (including farcical, circus), traditions and fashion, financial culture, floral component, culture of identification (personal and proper names), food culture, culture of space and national character. In some cases, the historical context is shown, designed to show how certain events affected the plot.

Keywords: R. Volkmann, fairy tales, Christian fairy tales, German literature, Christianity, angels, God, sin, medicine, Germany, cultural identity, Germans.

For citation: Suvorkina E. N. Christian fairy tales by Richard Volkmann: universal values and national and cultural identity (for the 195th anniversary of the doctor and writer). *Culture and Education: Scientific and Informational Journal of Universities of Culture and Arts.* 2025, no. 1 (56), pp. 58–75. (In Russ.). <http://doi.org/10.2441/2310-1679-2025-156-58-75>

Рихард Фолькман в настоящее время известен, прежде всего, как военный хирург, сторонник использования антисептика. В медицинских словарях и энциклопедиях ему посвящены отдельные статьи. Его идеи, открытия продолжают оставаться актуальными и востребованными.

Отцом Рихарда Фолькмана был немецкий физиолог Альфред-Вильгельм Фолькман. Рихард получил медицинское образование в Берлинском университете, также обучался в Галле и Гиссене. Участвовал в многочисленных военных кампаниях в качестве полевого хирурга, в частности, в 1865–1866 и 1870–1871 годах. Руководил университетской хирургической клиникой в Галле, стал ординарным профессором хирургии. Был председателем Немецкого общества хирургов с 1872 года. Считал важным антисептическую обработку ран, особенно в военно-полевых условиях. Им предложен новый метод лечения различных изменений костей вытяжением; изучены заболевания и патологии костей, в том числе описаны формы костного туберкулеза; исследована контрактура (контрактура Фолькмана) [13; 15]. Им создан ряд медицинских инструментов. Его заслуги в медицине были

высоко оценены еще при жизни. Известно, что император Вильгельм I давал ему дворянский титул.

Рихард Фолькман как сказочник

Рихард Фолькман врачеватель не только ран физических, но и душевных. Здесь его инструментом был не скальпель, а перо, хотя метафизический смысл общий: уверенные движения, лаконичность и простота, отсутствие ярко выраженной назидательности. При этом пороки и грехи (жадность, глупость, гордыню, тщеславие, зависть и пр.) обозначает ясно и четко, что в некоторой степени напоминает процесс диагностирования врачом-профессионалом, для которого важны не столько внешние проявления болезни, сколько верный и быстрый поиск первопричины, нахождение оптимального лечения. Следует отметить, что современный переводчик его сказок – Владимир Фрицлер, как он сам отмечает, следовал этому же принципу: бережное отношение к каждому слову, точный перевод, сохранение культурной идентичности, зафиксированной в тексте.

Сказки Рихарда Фолькмана относят к золотому фонду христианской литературы. Несмотря на то, что он был католиком, общехристианские добродетели будут близки и понятны и православному человеку (отметим, что сборник сказок, по которому проводится анализ, допущен к распространению Издательским советом Русской Православной церкви, что указано на обороте титульного листа) [11]. Более того, можно сказать, что в его произведениях обозначены общечеловеческие ценности – любовь, прощение, помощь и поддержка, доброта и пр.

Его сказки ориентированы и на детей, и на взрослых. Причем для второй возрастной аудитории они будут, вероятно, наиболее полезны. Сам он изначально писал их для своей жены и ребенка как письма-сказки, не предназначавшиеся для широкой аудитории. Но супруге удалось убедить их издать. Публиковался он под псевдонимом Ричард Леандер.

Сюжет физического обновления, перерождения представлен в сказке «Мельница старых женщин», повествующей о волшебной мельнице в Тюринге (Тюрингии?), которая перемалывала старых, морщинистых и больных женщин в молодых и здоровых девушек. Но необходимым условием предоставления такой бесплатной услуги было подписание договора, согласно которому после физического обновления женщины надлежало повторить все свои совершенные грехи в той же последовательности, что и в первой жизни. В сказке отмечается, что многие клиентки отказываются, увидев список грехов; мельница простоявает месяцами. Отказалась и главная героиня – старушка Клаппен Ротхен: «<...> Что толку от этой короткой повторной жизни?! И какой толк повторять старое, уже пережитое, снова» [11, с. 218]. Она ожидала, что вместе с физическим обновлением наступит и духовное

очищение, а вместе с этим и возможность новой жизни. Р. Фолькман, следуя своей концепции христианской сказки, указывает, что какое бы физическое перерождение не произошло, грехи останутся, они не перемесятся. Вместо новой прямой она получает спиральное вращение без духовного обновления. Кругового движения на плоскости, как возвращения в исходную точку, здесь нет. Здесь прослеживается мнимая аналогия с движением мельничного колеса, что подкупает женщин.

Заметим, что спиральное вращение, построение самого текста по принципу спирали и проведение героя именно по такой траектории – достаточно частый прием в литературе, показывающий духовное обновление, совершенствование при отказе от физического благосостояния и принятия в том числе, в частности, подвига юродства, как, например, в романе Е. Водолазкина «Лавр» [3]. Хотя последнее произведение намного сложнее, а спираль становится лишь частью общей хронологии романа (включая мозаичность отдельных хронологий жизней – духовных ипостасей Лавра – Арсений, Устин, Амвросий, Лавр), что позволило литературным критикам обозначить его жанр как «роман-творение» [7].

Общий элемент двух произведений – обязательное проживание «не-своей» настоящей жизни ради искупления грехов, духовного обновления. Клаппен Ротхен было предложено заново прожить свою прошлую жизнь, а Лавр сам решает прожить за умершую при родах любимую девушку Устину и ребенка, становясь Устином.

Сюжет сказки на первый взгляд соотносится и с элементом обновления и в русских народных и литературных сказках. Например, известная сказка П. П. Ершова «Конек-горбунок», в которой Иван преображается, становится красивым юношей после купания в трех котлах. Но сходство обманчиво, во-первых, в рамках вопроса возрастной трансформации: старый – молодой, юный – молодой. Это же определяет и характер процессов – перерождение в первом случае, прохождение обряда инициации во втором.

Для двух сказок общей является неудачная идея самого перерождения, обретения второй молодости: царь погибает, старушка отказывается от мельницы. В этой связи уместно заметить, что преимущественно в сказках подчеркивается невозможность обратного направления вектора в возрастном отношении – от конечной точки к начальной. Даже в различных вариациях сюжета русских сказок о молодильных яблоках (например, неадаптированных И. А. Худякова [12] и адаптированных А. Н. Афанасьева [1]) основная идея заключается в борьбе добра со злом, победе первого, но не в обретении молодости царем-батюшкой.

Хотя в славянской традиции имел место обряд «перепекания» младенцев, которые болели или были слишком слабые, недоношенные [10]. Обычно это происходило в печи, которая, как и огонь, сакрализировалась. Также младенец уподоблялся хлебу, сакральной пище, поэтому часто обмазывал-

ся тестом из ржаной муки. Здесь подчеркнем: и русская печь, и немецкая мельница в своем начале имели связь с зерном (хлебом, мукой) и стихией (огонь / ветер / вода). Очевидно общее метафизическое конструирование картины мира, включающей архаическую, языческую основу, вплетенную позже в христианство и адаптированную.

Если анализировать «перепекание», то здесь целесообразнее говорить не о таком процессе культурной динамики, как обратное движение (которое вместе с тем не является регрессом), а о замене. «Перепекание» подразумевает переиначивание – изменение ментальной и физической сущности ребенка. Этот процесс возможен без как таковых обременений по сравнению со сказочным перемалыванием в мельнице, ибо длина вектора несоизмеримо различна. При этом – в соответствии с христианской этикой – первый не подразумевает наличие грехов до 7 лет, тогда как во втором отягощен ими.

Общий элемент для немецкой и русской фольклорной практики – мельник, который обычно наделяется неким особым знанием, силой, принадлежностью не к дальнему миру. Но если в русской, славянской традиции его мир больше трактуется как вместилище нечистой силы (мельник наделяется функциями колдуна), то у Р. Фолькмана напротив: мельник – часть мира горного, это ангел. «Мой милый ангел» – так обращается Клаппен Ротхен к мельнику, принесшему список ее грехов. Отметим и другое различие: в сказке – мельник молодой («мой юный друг»), в русской – старый, пожилой. Это опять же указание на различную природу существ: ангелы не могут быть старыми, тогда как представители нечистой силы или мира пограничного (домовые, водяные, лешие и пр.) – старые.

Не исключено, на наш взгляд, что данное различие сущности мельника обусловлено видовым различием мельниц – спецификой национальной характеристики места. В Германии были распространены ветряные мельницы, тогда как в России – водяные. Считалось, что мельник заключал особый договор с водяным для продуктивной работы мельницы, имел связь с чертями [2]. У чувашей, у которых доминировали водяные мельницы, но также действовали на небольшой территории и ветряные мельницы, фиксируется аналогичное поверье о связи мельников с нечистыми духами, практиковались жертвоприношения. Как подчеркивает автор исследования В. В. Медведев, особо жестокие образцы практик, включающие участие детей, в народных преданиях имели связь именно с водяными мельницами [8].

Обратим внимание и на следующий момент. Согласно стереотипным представлениям, мельница используется исключительно для перемола злаков, поэтому произведение немецкого сказочника привлекает внимание и тем, что в ней перемалывают иное. Но, в отечественной практике мельничного дела такие примеры не исключительны. Так, в Карелии, где также превалировали водяные мельницы, их использовали и для обточки камней [4, с. 707].

Иное использование мельницы, точнее мельничных колес, можно встретить в сказке Р. Фолькмана «В невидимом королевстве». Оно представлено здесь как орудие наказания: злой сон решил проучить неблагодарного сына, прогнавшего голодного отца; во сне этот человек был пропущен между двух колес.

В этой же сказке мельничное колесо также особый, некий магический предмет. На нем любил отдыхать мечтатель Ёрг, здесь ему неоднократно снился сон о прекрасной принцессе на качелях.

Часто с мельницей или ее элементами можно встретить сравнение. Например, концы платка, торчащие в разные стороны, автор сравнивает с крыльями ветряной мельницы в сказке «Зепп в поисках невесты». Или, когда человек, совершающий изо дня в день одно и то же действие, уже не вникает в суть происходящего (девушка Урсула часто посещала церковь, но не знала, о чем была молитва): «Мельник по привычке уже не слышит стука мельницы» [11 с. 157].

Завершая анализ мотива мельницы, сосредоточимся на выразительных средствах. Кроме вышеприведенного сравнения, интересны следующие метафоры: «всадники разлетелись, как шелуха по ветру» [11, с. 81–82]; «на глазах выступили большие, как лесной орех, слезы» [11, с. 114]; «лицо принцессы стало как у гусыни перед грозой» [11, с. 142]; «ваше описание подходило “как кулак к глазу”» [11, с. 82]. Последнее является идиоматическим выражением, как правило, обратного значения, которое имеет место в финском, немецком языках. Аналогом выражения «подходит, как кулак к глазу» в русском языке считается «подходит, как корове седло». Действительно, приметы человека, которые дал король, были совершенно противоположны новому облику разыскиваемого.

Не чужд автору и юмор. Например, сказка «Как черт упал в святую воду», интересная мысль которой – и черту тоже не всегда везет.

Одна из особенностей произведений Рихарда Фолькмана – отказ от традиционного построения сюжета. В частности, в сказке «Кольцо желания» автор вводит в канву повествования волшебный предмет, способный исполнить одно желание, но герою не дает использовать его, приводя и его, и читателя к мысли, что всего следует добиваться самому, своим трудом.

Грех как центральная тема

Р. Фолькман в своих сказках одним из центральных сюжетов и тем выдвигает грехи. Часто он обращается к гордыне. Автор данный грех выразительно описал в сказке «Волшебный орган», суть которой заключается в том, что органных дел мастер создал такой инструмент, который начинал играть сам при венчании, если пара была угодна Богу. Но на свадьбе самого мастера инструмент звучать не стал, причину чего человек усмотрел в своей невесте. На самом деле проблема заключалась в мастере, который возгордился сво-

им мастерством, талантом и думал только о том, как люди будут восхвалять его. У сказки трагичный и одновременно счастливый конец: герои умерли, но мастер получил прощение Бога.

О гордыне он пишет и в сказке «Маленький мавр и Золотая принцесса», в которой рассказывается о бедном «линяющем» мавре и гордой Золотой принцессе, занятой поисками принца, соответствующего ее рангу.

Данную сказку он заключил рядом советов: понимать, что красота преходяща; «под невзрачной внешностью может быть скрыто золото, которое несыпается никогда» [11, с. 147].

В произведениях немецкого сказочника часто встречаются мотивы сожаления о чем-то несостоявшемся. Например, в «Детской истории» повествуется о детях – сестре и брате, играющих на заброшенной могиле одинокого чужеземца в отца и мать (мужа и жену), укладывающих многочисленных «детей» (улиток). Усопший, который все слышал, очень расстроился и зарыдал, поскольку у него не было семьи, никто не помнил его имени, не знал даты и места рождения. Из его слез на могиле забил родник. По сути, сказка повествует о том, чем может закончиться жизнь в сознательном одиночестве, без семьи. Данное произведение не теряет актуальности и сегодня, когда стремление к одиночеству, чайлдфри особенно сильно.

Как можно видеть, сказки Р. Фолькмана включают наставления, советы в ненавязчивой форме. Например, в сказке «Три сестры со стеклянными сердцами» автор резюмирует: «Если кто-то в юности получит трещину и сразу не сломается, тот может выдержать очень много» [11, с. 201]. Интересный и мудрый совет дает автор в сказке «Зепп в поисках невесты», касающийся вопроса выбора супруги: следует взять в жены девушку, которая ничего не делает напоказ. Здесь же можно встретить и такую рекомендацию: «Не связывайся с медной простотой и ржавой, железной сумой» [11, с. 157]. В некоторой степени она является аналогом русской пословицы: «простота – хуже воровства». А в сказке «Кольцо желания» он заключает: «Дешевая вещь в добрых руках намного дороже, чем дорогая в плохих» [11, с. 68]. В сказке «Маленький мавр и Золотая принцесса» настоятельно советует не озлобляться даже в сложных ситуациях.

И хотя Р. Фолькман в своих сказках главным образом обращается к христианству, Богу, тем не менее, можно обнаружить элементы из категории народных преданий, легенд языческого плана. Так, в «Сказке про белого щелкающего аиста» излагается миф, повествующий о том, как аист получил красные длинные ноги.

В славянской традиции аист также считается «чистой» птицей, но представления о том, что именно эта птица приносит детей, встречаются намного реже, чем у западных народов. Хотя Е. Е. Левкиевская приводит пример любопытного обряда, бытовавшего у белорусов, связанный с обряжением человека в аиста, принесшего на крестины куклу, символизирующую ребен-

ка, как пожелание рождения следующих детей [6, с. 121]. Примечательно, что у восточных славян четко прослеживается идея родственности аиста человеку. Имеют место легенды, в которых указано, что аист – это наказанный за прегрешения человек (например, за пахоту в воскресный день).

А в сказке «Желания Кристофа и Бербелль» объяснено, почему желания и просьбы не исполняются, но не с языческой точки зрения, а с христианской.

Определенную отсылку к древнегреческому мифу о Пигмалионе и Галатее можно обнаружить и в сказке «В невидимом королевстве», в которой молодой человек влюбился в девушку из сна. В обоих случаях девушки были оживлены Афродитой и королем соответственно и стали женами любящих их мужчин.

В большинстве сказок автор предлагает читателю самостоятельно размышлять, увидеть главный смысл. А в некоторых он резюмирует, в чем состоит мораль. Так, в сказке «Маленький птенец» он заключает: «А мораль ее (сказки – С. Е.) проста: легко соглашайся принять воробья за соловья, если то цена Любви и Мира» [11, с. 183]. Отметим, что присутствие именно этих птиц в канве повествования, возможно, не является случайностью. Соловей, как и аист, – «божья», чистая птица, тогда как воробей – напротив. В восточнославянской традиции соловей, согласно преданиям, укрыл Иисуса Христа от преследователей, а воробей предал его. Подобное противопоставление воробья другим, «чистым», птицам – частый композиционный прием [6, с. 112, 121]. Иными словами, противопоставление добра и зла.

В некоторой степени на данное произведение похожа и сказка «Перцовые орешки», в которой обоим пришлось отказаться от завышенных требований: король хотел найти красивую невесту, умеющую печь перцовые орешки, а она, в свою очередь, хотела, чтобы будущий муж умел играть на варгане, достаточно редком музыкальном инструменте.

По сути, обе сказки снова возвращаются к теме греха гордыни, преодоление которого позволило сохранить семью.

В его произведениях часто встречается мотив божьего наказания и помилования. Например, в сказке «Заржавевший рыцарь» повествуется о грешном человеке, который был наказан проказой. Но помочь жены, которая ради него стала нищенкой, просила милостыню, раскаянье самого рыцаря и совершение им добрых дел избавило его от недуга.

Высшее благо – умереть без греха, что, например, подчеркивается в сказке «Кольцо желания». Здесь интересно вместе с тем отметить некоторую параллель с русскими народными сказками. Это проявляется, во-первых, в появлении старой ведьмы, рассказавшей об особой сосне, которую следовало срубить. По своим волшебным характеристикам и принадлежностью к пространству пограничных миров она напоминает русскую Бабу-Ягу. Во-вторых, волшебное яйцо, содержащее особый предмет. В русской сказке

это иголка, которая в свою очередь может быть по принципу матрешки в утке, зайце, сундуке. В немецкой – два яйца: в одном – орел, в другом – волшебное кольцо, которое исполняет одно желание. В-третьих, указание на дерево как на место нахождения яйца – сосну и дуб соответственно – и как на своего рода *метаось* мироздания.

Сугубо христианская тема представлена в сказке «О рае и аде», в которой показан выбор характера загробной вечной жизни богача и бедняка. По сути, каждому из них был предложен самостоятельный выбор – ад или рай, но в скрытой, опредмеченной (вещественной), форме. Бедняк попросил маленькую скамейку, чтобы сидеть у ног Бога, а богач – большой дворец, особые яства, удобные предметы быта, ежедневную газету, деньги. Но в рамках вечности это было неуместно. Такая ежедневная повторяемость, круговая зацикленность, стала адом, структуру и сценарий которого прописал себе сам богач. В данной сказке обращается внимание на то, что у людей доминирует стереотипное представление об аде – с котлом и чертями, тогда как реальный ад выбирает сам человек, изначально понимая его как рай: «Ты думаешь, что грешников все еще жарят, как раньше? Все давно по-другому, но ты точно в аду, и теперь – это твоя жизнь. Навечно» [11, с. 45–46].

Следует отметить, что здесь также прозвучала мысль раскаяния и прощения Богом богача, а также идея о необходимости понимания главного в жизни – земной и загробной.

А вот в сказке «Небесная музыка» надежда на прощение людских грехов только обозначена: нотные листы с божественной музыкой разрезаны ангелами по приказу Бога и рассыпаны по всей земле, но настанет время, как глубоко убежден автор, когда «ангелы соберут Божью нотную книгу из больших и малых кусочков... И раскроются небесные врата, и небесная музыка зазвучит также слаженно и благостно, как раньше» [11, с. 6].

Ангелы часто встречаются в произведениях Р. Фолькмана, более того, становятся центральными героями метатекста сказок. Например, сказка «Крылья Ангела» повествует о горбатой девочке, которая умерла без должного ухода, любви со стороны мачехи, пришедшей в дом после смерти матери. Когда за ней спустился ангел, то разрушил ее горб, в котором были спрятаны два ангельских крыла. В этой печальной сказке поднимается очень сложный вопрос этики – благо ли для девочки ее смерть. Мачеха сказала ее отцу: «Не плачь, так лучше для бедного ребенка» [11, с. 98]. Этот вопрос сопряжен и с другим – гуманностью эвтаназии и усыпления домашних животных. К сожалению, имеют место прецеденты, когда истинным основанием, в частности, второй процедуры, является нежелание хозяев тратить деньги, время и силы на лечение питомца.

Именно ангел (один из 12) вернул родителям заблудившуюся девочку в сказке «Золотая дочка».

Кроме базовых элементов христианских сказок – Бога, ангелов, святых, грехов, чертей и пр., – у Р. Фолькмана имеет место описание практик отшельничества, подвижничества. В частности, в сказке «Заржавевший рыцарь» он вводит в повествование отшельника Иеремию, о котором сказано, что это был «человек святой жизни», некогда жил в Иерусалиме, а на момент происходящего – в келье недалеко от часовни принимал, выслушивал людей, помогал советом. Здесь можно снова провести параллель с жизнью главного героя романа «Лавр» Е. Водолазкина. На определенном этапе он отправляется в Иерусалим (практика паломничества), чтобы отмолить утопленницу по просьбе ее отца. Святая Земля становится важной точкой на пути духовного совершенствования. Вернувшись оттуда, он принял постриг в монахи, а затем схиму, стал пустынником (практика пустыножительства).

Интересно отметить и еще одну параллель. Как выше было сказано, Р. Фолькман был профессиональным медиком, при этом писавшим удивительные христианские сказки. Лавр, который в начале своего земного пути имел имя Арсений, был травником, лекарем, знахарем, а затем духовным подвижником.

В этой же сказке «Заржавевший рыцарь» он говорит о том, что милостыню просить трудно (мало кто подает, прогоняют другие нищие). В православной традиции сознательный отказ от богатства, нищенствование – также духовно-аскетический подвиг, в некоторой степени сопряженный с юродством.

О чуде исцеления автор повествует в сказке «Хайно в трясине»: при прикосновении священника к культе принца, стоявшего перед алтарем с невестой, выросла новая кисть – «как белый цветок из коричневого сучка».

Как можно видеть, указанные христианские практики, описанные человеком католической веры, близки и понятны человеку православному, они заключают в себе общечеловеческие ценности, ориентиры – любовь, прощение, доброту.

Элементы культуры повседневности: культурологический анализ национально- культурной составляющей

Важным моментом анализа произведений Р. Фолькмана является изучение культурных элементов, образующих немецкую культурную идентичность.

Культура идентификации: имена личные и собственные. Во-первых, собственные имена: топонимы (оиконимы) (Кёльн, Тюрингия), эмпоронимы – название гостевого дома «Золотая корона». Во-вторых, личные имена – Кристоф, Бербель, Ёрг, Зепп, Урсула, Катерина, Гретта, Хайно, Тринхен, Ханс, Кристель, Апольда, Клаппен. Фамилии – Ротхен, Каспер, Миллер.

Интересно, что национальный характер приобретают и святые. Так, апостол Петр – это привратник Петрус, архангел Гавриил – Габриэль. Достаточно своеобразно сравнение людского шума и музыкальной какофонии с еврейской школой, в которой (в противовес немецкой) не было строгих правил воспитания.

Здесь следует подчеркнуть, что переводчик Владимир Фрицлер очень осторожно и бережно относился к слову, стараясь делать перевод максимально близкий к тексту, что и позволило сохранить и подчеркнуть культурное своеобразие. Именно поэтому имеет место в большинстве случаев буквальный перевод.

В связи с этим интересно появление в сказках таких элементов немецкой культуры, как *варган* и *перцовые орешки*. Переводчик не стал заменять на губную гармошку или любой другой языковой инструмент и имбирные пряники.

А вымышленные имена собственные и личные достаточно универсальные. Так, сказочные топонимы – королевство Снов, в котором подданные – это сны, и королевство Действительности, где живут голые люди. В сказке «Перцовые орешки» – Миндалевая страна.

В сказках Р. Фолькмана встречаются и фантазийные личные имена – Освободитель, Неудачник, принцесса Счастья, Дитя Счастья, Утиное варенье, Сальное пятно, Золотая принцесса, Жестянная принцесса, Синеглазка. Последнее имеет место и в русских народных (например, «Сказка о молодильных яблоках и живой воде» в обработке А. Н. Афанасьева).

Культура питания. В произведениях Р. Фолькмана указаны и наиболее значимые элементы, обуславливающие специфику культуры повседневности, в частности, культуры питания. Так, состоятельный крестьянин предлагает нищенке стать его служанкой и обещает следующее: «За хорошую работу получишь пирог на Пасху, к святому Мартину – гуся, а к Рождеству – золотой талер и новое платье» [11, с. 12] («Заржавевший рыцарь»). А в споре с ней о желании Бога также видим кулинарный контекст: «Ты что, знакома с Ним, обедали вместе? Ела с Ним чечевицу с жареной колбасой?» [11, с. 12].

Богач для жизни в Вечности пожелал «шоколад по утрам, в обед через день жареную телятину с яблочным муссом, молочный рис с жареной колбасой, потом пудинг с фруктовым муссом» («О рае и аде») [11, с. 42–43].

Отметим, что «жареная колбаса» встречается достаточно часто. Более того, существует отдельное понятие *Bratwurst* (братвурст), которое означает немецкое название колбасок для жарки. При этом их видовое разнообразие очень велико. Они могут быть из мяса свинины (в большинстве случаев), говядины, птицы; варьируется степень измельчения мяса, количество и характер добавления специй. Хозяин гостевого дома предлагает за «божью плату» путнику-чужеземцу нехитрые блюда – кусок хлеба и кружку пива («Древо сновидений»).

А заблудившейся девочке аист дал маленьку бутылку молока, свежую булочку и кусочек сахара («Золотая дочка»). Интересно отметить, что вначале она попросила у него то, что он ест сам («выглядит очень зелено и лапчено, и квакает»), на что птица ответила отказом, назвав свою еду так, чтобы не испугать ребенка – «дергающийся зеленый салат» [11, с. 123]. В этой же сказке говорится и о том, чем питаются утки и утят. То есть автор считает должным рассказать детям и о культуре, специфике питания и животных в сказочной форме. Интересен ответ мамы-утки на удивленное восклицание девочки, которая узнала, что утят пьют воду и кушают червячков, которых находят в песке, корешки: «Бог благословил им эту еду» [11, с. 122].

Одна из потенциальных жен короля, главным требованием которого было умение печь перцовые орешки, умела готовить вкусные миндальные тортики («Перцовые орешки»). Но он любил орешки, которые должны быть приготовлены так, чтобы не черствели, но и не были мягкими, а оставались хрустящими.

Культура труда. В сказках Р. Фолькмана можно выявить различные профессии: пастухи (овец, гусей, коров), крестьяне, владельцы гостевых домов, мастеровые, министры, короли, столяры, ювелиры, гробовщики, музыканты, трубочисты, стекольщики и др.

Прослеживается и система обучения: ученик – подмастерье – мастер, в частности, на примере трубочиста и стекольщика. Но в первом случае в сказке о «линяющем» мавре было отказано ученику в присвоении статуса (квалификации) подмастерья, поскольку он «не настоящий христианин», за что был избит и изгнан. А во втором случае – в сказке «Три сестры со стеклянными сердцами» – достаточно подробно описывается четырехгодичное обучение ученика стекольщика, из которого только часть действительно была посвящена профессии. В частности, в первый год он должен был заниматься детьми мастера – мыть, одевать, причесывать, кормить свежими булочками из пекарни.

Приведенная в сказках модель профессионального обучения отражает существовавшую в Германии систему обучения. Теория отсутствовала, ученик сразу выполнял практические задания, наблюдая и копируя. Обучение было платным. После сдачи экзамена и получив статус подмастерья, он должен был отправиться путешествовать, чтобы приобрести опыт, совершенствовать навыки.

Культура повседневности: одежда. Неудачник, который получил новое имя – Дитя Счастья, приобрел себе новую одежду – «бархатный красный камзол и берет с длинным белым пером и атласными полосками» [11, с. 78] («Неудачник и Дитя Счастья»). Важным элементом была шляпа. В данной сказке король с негодованием отозвался о человеке, получившем поцелуй его королевской дочери, и при этом у него было даже шляпы. В другом

произведении для повседневной жизни в Вечности богач пожелал себе домашний зеленый шелковый халат («О рае и аде»). Это типичный элемент домашней одежды мужчины-европейца, включая немца. Материал халата – шелк – свидетельствует о его состоятельности.

Непременным элементом и мужского, и женского, и детского гардероба были чулки вне зависимости от дохода и положения в обществе. Интересно, что наличие дырки в чулке навело короля («вечное величество») на мысль о женитьбе.

Культура повседневности: предметы быта. Интересны с культурологической точки зрения и предметы быта. Так, в сказке «Старый чемодан» описывается чемодан следующим образом: «Выглядел непривлекательно – котиковая кожа была потертая и в ней жила моль, металлические уголки проржавели, ремни перекосились» [11, с. 87]. Это типичный предмет конца XIX века, времени Рихарда Фолькмана. Котиковая кожа – это кожа тюленей. Как писала «The Guardian», первые чемоданы «Louis Vuitton» из крокодиловой или страусиной кожи были отделаны змеиной или тюленьей кожей. Интересно заметить, издание подчеркивает: мода на тюленью кожу примерно двадцать лет назад (то есть 2005 год) снова была на пике. При этом кожа использовалась, в том числе модным домом «Versache» и другими дизайнерами, для верхней одежды, а также платьев, костюмов и пр. [14]. Новая волна спроса была обусловлена общей модой на лаконичность, простоту и строгую элегантность, которой не соответствовали пышные, объемные меха. Тюленья кожа или тюлений мех – гладкий, глянцевый и при этом бархатистый – подчеркивает фигуру. Помимо одежды тюленья кожа сегодня используется для изготовления кошельков, споранов (шотландских сумок-кошельков), отделки обуви. Таким образом, изделия из котиковой кожи – это доказательство благосостояния владельца, следующего, кроме того, модным тенденциям современности.

Шкатулка, которая была обита красным бархатом и украшена золотыми кружевами. Этот распространенный предмет XIX века имел массовое производство. Но дорогая отделка свидетельствует о статусе хозяина.

Кресло-качалка как символ домашнего уюта («О рае и аде», «Старый чемодан»). Вероятно, данный предмет нравился самому Р. Фолькману, символизировал состоятельность, обеспеченный покой. Известно, что в его время (1860 г.) М. Тонет, австрийский мебельщик, запустил производство «венских» кресел-качалок. М. Тонет запатентовал свое изобретение, открыл ряд фабрик, в том числе в Германии и Российской империи.

Предметы для новорожденного. Так, в «Сказке про белого щелкающего аиста» за три дня до того, как принести ребенка семье, аист предупреждает ее со словами: «Готовьте люльку со шлейфом от мух, с цветной оборкой, а еще белую рубашечку, шапочку, пеленки, скоро принесу вам младенца» [11, с. 185].

Неоднократно встречается упоминание зеркала – «Неудачник и Дитя Счастья», «Старый чемодан». В последнем ему дается следующее описание: «изящное, позолоченное». Бедному мавру жена богача подарила скрипку и зеркало, в которое советовала еженедельно смотреться («Маленький мавр и Золотая принцесса»). Производство зеркал в Германии находилось на высоком уровне, имело массовый характер. Известно, что сама технология была освоена в XIII веке; в XIV веке был открыт зеркальный цех в Нюрнберге; в XVIII веке началось производство зеркал больших размеров; в середине XIX века улучшилось свойство отражающей поверхности зеркала благодаря Ю. Либиху.

Во дворцах – парадные, репрезентативные портреты («Перцовые орешки»). Это неотъемлемая часть европейской дворцовой культуры.

Финансовая культура. Обращение конкретных денежных единиц является выражением национально-культурной составляющей каждой страны. Так, указанные в сказках «пфенниги», «талеры» – узнаваемые денежные единицы Германии.

Пфенниг – самая мелкая разменная единица, при этом имеющая длительный период развития. Его появление относят к IX–X векам.; в XIII веке был единственной оборотной монетой.

Талер – серебряная монета, которая имела важное значение в период с XVI по XIX век не только для Германии, но и для целого ряда других европейских стран. В Германии она стала распространенной оборотной монетной в XIX веке.

«Золотой» – из контекста сказок – монета самого большого достоинства, но не имеющая достаточно четкую идентификацию. Можно предположить, что Р. Фолькман имел в виду «золотую марку» («марку»), которая была введена в оборот в 1871 году и содержала определенный процент золота. Свои сказки автор пишет в этот период – 1870–1871 гг.

Финансовая культура тесно связана в германской традиции с мифологией и в контексте сказок Р. Фолькмана с **флористической составляющей**. Анализ показал, что в его произведениях встречаются следующие деревья: дуб, бук и сосна.

В мифологии германских народов дуб символизирует стойкость, силу, несгибаемость. Официальным символом он стал в 1871 году после создания единой Германской империи. Р. Фолькман в этот период как раз и писал свои сказки. В дальнейшем именно дубовые листья (которые пришли на смену лавровым) будут изображены на аверсе пфеннигов разного достоинства (1, 2, 5, 10) А. Ягера и саженец дуба на реверсе 50 пфеннигов Р. М. Вернера. На реверсе немецкой марки Й. Бернхарт в середине XX века также изобразит дубовые листья.

С 2002 года национальная валюта отсутствует ввиду введения в оборот единой валюты Европейского Союза, куда входит страна, – евро. Но на ев-

роцентах малого достоинства Р. Ледербогена дубовые листочки остались. Последний факт свидетельствует о стремлении к сохранению культурной идентичности в условиях навязываемой унификации и отказа от национального своеобразия. В сказках Р. Фолькмана дубы по-прежнему остаются символом нации и его культурным кодом.

Также дубовые листья имеют место на немецких гербах, наградах и пр. Следует отметить и такую немецкую традицию, как посадка дубов в честь кайзера (в частности, памятником природы является Дуб Кайзера, посаженный в 1879 г.).

Бук был самым распространенным деревом в Германии, что определяет растительное своеобразие страны. В настоящее время пять буковых лесов данной страны являются охраняемыми природными объектами ЮНЕСКО.

Сосна в Германии, как и ель, является основным представителем хвойных лесов, которые занимают большую часть лесного покрова страны. Интересно отметить, что существует немецкая легенда, повествующая о сосне, которой не нравились ее иголки. В результате череды исполнений желаний Ангелом дерево пришло к выводу, что иголки – лучший вариант.

Как и в русской культурной традиции, так и в немецкой, расколотые, расщепленные деревья сакрализировались. У Р. Фолькмана – это старый расщепленный бук, под которым, согласно народной легенде, был убит апостол. В сказке «Древо сновидений» зафиксировано интересное предложение вшить веточку волшебного бука в Библию. Последнее свидетельствует о двойственности мировоззрения, что было характерно и для России: соблюдение христианских канонов при сохранении языческих традиций и верований.

Традиции, мода. Традиция – важный элемент существования общества, обеспечивающий его устойчивость, преемственность. В сказке «Желания Кристофа и Бербель» обозначена предсвадебная традиция: в качестве жениха и невесты влюбленные должны походить год, что соответствует заведенному порядку.

В некоторой степени традиция в значении порядка определяется в пословицах, поверьях. Например, пословица – *кучер пьян, а лошади везут*; поверье – *мерцание звезд предвещает похолодание*. Но наряду с традицией всегда существовала мода. В сказке «В невидимом королевстве» автор указывает на такую моду в стране Действительности, как ходить голым.

Приметой времени была и мода на заграничных слуг с иным цветом кожи. Так, в сказке «Маленький мавр и Золотая принцесса» богатый господин предложил мавру несложную работу – стоять позади кареты, когда он вместе с супругой будет проезжать мимо состоятельных людей. Этот момент еще раз подчеркивает стремление к позерству. В русской культурной традиции иноzemные слуги также были в моде. Описаны парадоксальные случаи, когда при отсутствии возможности приобретения такого предмета роскоши владельцы

красили обычных людей, имитируя их принадлежность, например, к негроидной расе. Данная практика была общеизвестной, поэтому реакция господина на черную воду с «линиющим» мавра была достаточно сдержанной: «Я так и думал, ты не настоящий мавр! Интересное открытие» [11, с. 137].

Печальные последствия такой окраски изложены, например, в рассказе А. Дорохова «Как погиб “золотой мальчик”», основа которого – описание случая, зафиксированного в биографии итальянского художника XVI в. Рафаэля. Здесь мальчика для праздника богатого человека Лоренцо Медичи решили покрыть золотой краской, чтобы он в качестве статуи олицетворял «золотой век». Согласно рассказу, мальчик умер от закупорки пор, приведшей к воспалению легких.

Праздничная культура. Элементом праздничной культуры был бродячий цирк на ярмарке, в котором показывали не только чудеса акробатики, жонглирования, но и людей, животных с физическими аномалиями. В последнюю категорию наряду с двухголовым теленком вошла и знаменитая своей красотой Золотая принцесса, чье золото осыпалось, и она стала Жестяной принцессой.

Музыкальная культура. Музыкальная составляющая является элементом, как культуры повседневности, так и праздничной. Гармонии и музыке посвящена сказка «Небесная музыка». В сказке «Маленький мавр и Золотая принцесса» главный герой хочет стать музыкантом, что в дальнейшем и происходит – он становится лучшим скрипачом. Упоминается и варган – язычковой инструмент. В финале сказки «В невидимом королевстве» героев встречали музыканты, которые дули в трубы и били в барабаны. В сказке «Волшебный орган» мастер церковных органов создает уникальный инструмент.

Многие герои Р. Фолькмана напевают, в том числе колыбельные песни. Поют и птицы, спор о принадлежности к виду (соловей или воробей) которых чуть не разрушил семью. У автора поют и волны, которые рассказывают о горах, о море, о русалках. Поет также и человеческое сердце, научиться слушать и воспроизводить музыку которого, – сложная задача.

Медицина. В сказке «Заржавевший рыцарь» дано описание болезни, посланной Богом за грехи: левая сторона тела рыцаря покрылась ржавчиной, кроме лица, которое скрывала перчатка. В сказке герою святой отшельник Иеремия поставил диагноз *проказа*. Р. Фолькман был врачом, и можно предположить, что неоднократно сталкивался с ее проявлениями, поэтому имел возможность образно ее описать. Вероятно, выбор этой болезни был своего рода откликом на ухудшение эпидемиологической обстановки в Германии во второй половине XIX века. Известно, что в это время ситуация усугубилась, проказа стала активно распространяться, что связывают с динамическими миграционными процессами: в Восточную Пруссию из Российской империи иммигрировали зараженные литовские рабочие.

«Заразной» была и неудачность, поэтому, как в XIX веке, так и сейчас, неудачливых людей избегали. Так, когда Неудачник говорил кто он, незнакомые люди переставали звать его странствовать вместе с ними и поспешно уходили. Такой четкой идентификацией он, по сути, сам изолировал себя от других людей («Неудачник и Дитя Счастья»).

Национальный характер. В сказках герои достаточно ярко выражают особенности национального характера, составляющими элементами которого являются аккуратность, педантичность, чистоплотность, пунктуальность, четкое соблюдение закона. В. Г. Крысько также добавляет: практичность, трудолюбие, точность, предусмотрительность, добросовестность [5, с. 198]. С. В. Оболенская, исследуя восприятие русскими немцев, живших в Российской империи, указывает: «Этот немец – сосед: он рачительный и аккуратный хозяин <...>, он прилежный, умелый работник и мастер на все руки» [9, с. 51]. В сказках Р. Фолькмана – стремление к изобретательству, доведение до совершенства («Волшебный орган»), любование сложными и потайными механизмами («Старый чемодан») имеет место.

Обращается внимание на умение вести дела, расчетливость. В одной из сказок показана и практика рекомендаций. В данном случае в сказке «Золотая дочка» утка, которая помогла девочке, говорит: «Если еще понадоблюсь, всегда к твоим услугам. Рекомендуй меня и твоим родителям» [11, с. 123]. И сегодня практика рекомендаций – устных и письменных – вос требована.

Культура пространства. Жилые дома, церкви, гостевые дома – элементы как городского, так и сельского пространства. К первому, согласно топографии сказок, можно также добавить каменный мост, ювелирный магазин. Последний свидетельствует о достаточно высоком достатке жителей. В целом это структурные элементы типичного европейского пространства.

Заключение

Христианские сказки Рихарда Фолькмана без наставленческой риторики ориентируют читателя – как взрослого, так и ребенка – на общечеловеческие ценности, универсальные, как для католицизма, так и для православия: любовь, прощение, доброту, поддержку. Одним из главных грехов он считает гордыню, которая становится основным мотивом ряда его произведений. При этом другой, не менее важный мотив, – это возможность прощения после раскаяния, ибо Бог милостив.

Наряду с универсальными ценностями сказки Р. Фолькмана заключают в себе национально-культурное своеобразие Германии, немцев. На примере отдельных предметов – элементов культуры повседневности, праздничной культуры и пр. – создается поликомпонентный культурный код нации, который имеет общие и различные черты с русским.

Список литературы

1. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. Москва: Наука, 1985.
2. Веденникова Н. М. Мельницы и мельник в русской мифологии // Научный диалог. 2014. № 12 (36). С. 6–22.
3. Водолазкин Е. Г. Лавр. Москва: АСТ, 2014. 440 с.
4. Кривоноженко А. Ф., Захарова Е. В., Литвин Ю. В. Мельницы в жизни российского крестьянства пореформенного периода // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. История. 2021. Т. 66. Вып. 3. С. 699–717.
5. Крысько В. Г. Этническая психология. Москва: Академия, 2004. 320 с.
6. Левкиевская Е. Е. Мифы русского народа. Москва: Астрель: АСТ, 2000. 528 с.
7. Маглий А. Д. Жанровое своеобразие романа Е. Водолазкина «Лавр» // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2015. № 1. С. 177–186.
8. Медведев В. В. Мельницы в традиционной жизни чuvашей // Вестник ЧГУ. 2014. № 4. С. 56–58.
9. Оболенская С. В. Германия и немцы глазами русских (XIX век). Москва: ИВИ РАН, 2000. 210 с.
10. Топорков А. «Перепекание» детей в ритуалах и сказках восточных славян // Фольклор и этнографическая действительность. Санкт-Петербург: Наука, 1992. С. 114–118.
11. Фолькман Р. Небесная музыка. Москва: Алавастр, 2020. 224 с.
12. Худяков И. А. Великорусские сказки в записях И. А. Худякова. Москва; Ленинград: Наука, 1964. 301 с.
13. Andreev A., Ostroushko A. Richard Folkman – Chairman of the German society of surgeons, Director of the University surgical clinic in Halle (to the 190th of birthday) // Journal of Experimental and Clinical Surgery. 2020. Vol. 13 (2). Pp.163.
14. Fashion's appetite for fur returns to catwalk // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2005/mar/31/environment.fashion>
15. Willy C., Schneider P., Engelhardt M. [et al.] Richard von Volkmann // Clinical Orthopaedics and Related Research. 2008. Vol. 466. Pp. 500–506.